

DOI <http://dx.doi.org/10.18524/2312-6809.2018.26.129472>

УДК 821.161.1–32Носов:165.212

ПОЭТИКА БЫТОВОЙ ДЕТАЛИ В РАССКАЗАХ ЕВГЕНИЯ НОСОВА

Милена Кипэр, аспирантка

*Жешувский университет
milenakiper@wp.pl*

Статья посвящена художественным приемам детализации быта и способа существования сельских жителей в трех рассказах Евгения Носова. Поэтика мелочей определяет пространство, в котором живут герои рассказов, создает лирическую атмосферу и служит психологическим фоном.

Ключевые слова: детализация быта, пространство, психологизация, художественный прием, деревенская проза.

Евгения Ивановича Носова причисляют к писателям-«деревенщикам». Говоря о так называемой «деревенской прозе», мы вслед за Аллой Большаковой видим в ней нечто большее, чем прозу о селе, а именно: «онтологическую прозу», философский феномен, психологическое явление [2].

Юрий Селезнев в одной из своих статей пишет: «Произведения Евгения Носова небогаты событиями, неожиданными поворотами сюжета, они полны красотой человеческой души, отраженной в повседневном, осязаемом деянии» [14, с. 482]. Правда, у Носова мы не находим ни удивительных случаев, ни замысловатых сюжетов; тем более не находим великих подвигов. Все изображается как самое обычное, характеризующее повседневную жизнь миллионов деревенских жителей. Конечно, это вовсе не означает, что он пишет о вещах ничтожных, маловажных. Внимательный читатель, наверно, обнаружит многомерность и глубину внутреннего мира героев Носова.

«Писатель воспевает духовую силу и красоту людей деревни, сочетая рассказ о повседневном с поэтическим описанием. Просто, незамысловато и вместе с тем тепло и душевно показаны его герои (...). За их обычной судьбой стоят разные взгляды, различное миропонимание, и Е. Носов стремится раскрыть нравственный облик человека, его сущность» [1, с. 41].

Особую роль в рассказах писателя-деревенщика, безусловно, играет прием детализации повседневной жизни. Это помогает со-

здать объемность картины мира, с одной стороны, и передать общие для многих людей переживания, воспоминания (то есть контекст эпохи) — с другой.

Хотя в работах Марии Моргуновой [7], Наталии Судариковой [15], Татьяны Колядич [4], Ирины Порублевой [11] исследованы разные аспекты поэтики прозы Е. Носова, в частности тематические, стилевые, концептуально-мировоззренческие, художественные, однако некоторые вопросы изображения быта, точнее, его детализации раньше не рассматривались. Наше внимание в данной статье будет обращено как на функции повседневной детали в рассказах «Шуба», «Есть ли жизнь на других планетах?», «Во субботу день ненастный» так и на накопительный художественный эффект, создаваемый детализацией образов в поэтике указанных произведений.

Об одном из таких «обыкновенных» событий повседневной жизни повествуется в рассказе «Шуба». Молодая Дуняшка едет вместе с матерью в город, чтобы приобрести теплую верхнюю одежду на зиму. Деньги заработала в колхозе она сама. Всего у нее было тысяча двести рублей, но «пятьсот рублей уже разошлись», так как «поросеночка купили, сена копенку, да и так, по мелочам, потратилось». Пелагея, мать Дуни, хорошо понимает, что «если не купить — разойдутся». И тогда надо «до будущего года ждать». Да «подружки уже посправляли», а дочь «до сих пор в этом куцем бегает». А ведь это «невеста уже» — думает мать [8, с. 86–87]. Пелагея с Дуняшкой ходят по разным магазинам, «приглядываются к одежде». Девушка засматривается на «чулки», «блузки», «брошки», «сережки», «гребенки» [8, с. 90]. В конце концов, они покупают пальто. Но не в покупке дело, «а в том, что это за счастье — обновка для Дуняшки, первое взрослое пальто» [5, с. 177]. Нарратор так описывает примерку, что читатель может непосредственно почувствовать торжественность и важность этого момента, а вместе с тем и ту радость, какую испытывает юная героиня: «С радостным трепетом надевала Дуняшка пальто. От него пахло новой материей и мехом. Даже сквозь платье Дуняшка ощущала, какой гладкой была подкладка. Она была прохладной только сначала, но потом сразу же охватило тело уютным теплом. Вокруг шеи пушисто, ласково лег воротник. Дрожащими пальцами Дуняшка застегивала тугие пуговицы (...). Как только пуговицы были застегнуты, Дуняшка сразу почувствовала себя подтянутой и стройной. Грудь не давило, как в старом пальто, а на бедрах и в талии она ощутила ту самую лад-

ность хорошо сидящей одежды, когда и не тесно и не свободно, а как раз в самую пору» [8, с. 93].

Мы можем сказать, что факт покупки пальто стал лишь точкой отсчета для того, чтобы обозначить тему первого ощущения взрослости у молодой деревенской девушки. Главная героиня рассказа «Шуба» после того, как надела новое пальто, «посмотрела в зеркало и обомлела. Она и не она! Сразу повзрослела, выладнялась, округлилась, где положено. Она (...) впервые почувствовала себя взрослой!» [8, с. 93]. Таким образом укрупнение психологической детали способствует (само)идентификации и самопознанию героини. Стоит принять во внимание мысль О. В. Сизих о том, что «в современном российском рассказе предложены уникальные варианты культурной идентификации человека новой России, отвечающие внутренней противоречивости жизни индивида, который либо включен в социальную систему, либо находится вне ее границ» [12].

Главным мотивом рассказа становится тема счастья. После оформления покупки Пелагея и Дуняшка возвращаются в деревню. Игорь Дедков обращает внимание на момент, в котором мужчина, собирающийся заплатить за шубу своей «дамы», «расстегнул портфель и положил на кассовую тарелочку два серых кирпичика сотенных, перехваченных бумажной лентой» [8, с. 96]. Критик отмечает, что «этим как бы остановленным мгновением магазинного быта обрывается праздничное время Дуняшки и ее матери, радостно возбужденных удачной покупкой, толпой и обилием товаров, продолжается будничное» [3, с. 165]. Но это «будничное» не содержит в себе грусти или тоски по чему-то недоступному. Как дальше отмечает И. Дедков, «Дуняшка и ее мать недаром воспринимают городское уличное житье с любопытством, но без осуждения и зависти. Так уж устроена жизнь: есть их село, а за ним — город, а за городом и другие села, и повсюду люди. Съездишь в город, как в большой универсальный магазин, и поскорее домой, к своим заботам, к берегу своему» [3, с. 165].

Обе героини радостно возвращаются домой, спеша к своим ежедневным заботам. Пелагея торопится, «потому что надо еще успеть постирать Степкино белье. Завтра рано ему ехать в школу механизации» [8, с. 97]. Как отметил еще в начале рассказа автор, «всегда у бабы в конце (...) дороги какое-то спешное дело: детишки ли, квашня ли с тестом, поросенок ли некормленный, — если идти с поля, а если в поле, то и того пуще всяких дел, особенно когда подоспеет страда» [8,

с. 95]. Дуняшке, которую «город притомил своей сутолокой», «хочет-ся поскорее домой», где «тихо, хорошо и так все привычно» [8, с. 97].

Повседневность — это и есть главное счастье героев рассказа «Шуба». А покупка пальто является только частью этого счастья, которое, как показывает Носов, «процесс, душевное состояние, а не разовый успех» [16, с. 76]. Мы легко это замечаем на основании контраста. Ведь дама, которая покупает шубу, не является счастливой, хотя ее обновка намного дороже и красивее, чем пальто Дуни. «Особой радости у нее нет, есть некое стандартное чувство, предварительные догадки о суждениях соседей, знакомых своего круга, ощущение пресыщенности...» [16, с. 77]. И нет у нее этой чистоты и естественности, которые свойственны простым деревенским женщинам, избраженным Носовым.

Сюжет произведения «Есть ли жизнь на других планетах?» является еще более «обычным», чем рассказа «Шуба». Кажется, здесь вообще ничего не происходит. Лектор Стремухов едет в некую деревню, чтобы прочитать лекцию на «планетно-космическую тематику». Стоит отметить, что это человек отстраненный, который не очень умеет и любит общаться с людьми, особенно с простыми деревенскими жителями. По дороге он встречает молодую девушку, которая оказывается местным библиотекарем. Герои вместе продолжают свое путешествие. Сначала им приходится ехать на грузовой машине, наполненной кирпичами, а потом — идти пешком. На некоторое время их останавливает дождь. Ожидая улучшения погоды, они сидят под плащом на чемодане и разговаривают про жизнь на других планетах. Из-за полшуточного тона, которым говорит Лена, лектор приходит в смущение. Но вдруг небо проясняется и герои идут дальше. Когда они приходят в деревню, девушка уговаривает мужчину переночевать у нее и ее матери. После совместного ужина, все ложатся спать. Вот и весь сюжет.

Юрий Селезнев в своей статье «*Со мною на земле...*» отметил: «Ничего не случилось (...) в рассказе Евгения Носова. Но что-то произошло с сердцем читателя, заронила в него добрая радость» [13, с. 213]. А мы скажем, что, прежде всего что-то произошло с сердцем главного героя и поэтому возникла «добрая радость» в душе читателя.

Этот, как мы уже сказали, «отстраненный человек» с развитием сюжета все больше лишается своего «состояния отрешенности». Неожиданное изменение погоды, а также естественность поведения

и искренняя доброжелательность молодой попутчицы влияют на изменение самочувствия лектора. Сначала он испытывает «радостно-счастливое возбуждение» [9, с. 197]: «Пока девушка, присев на чемодан, разувалась, Стремухов, чуть поколебавшись, осторожно накинул на нее плащ.

— Дождь, знаете...

— А вы?

— Ничего! — бодро отозвался Стремухов и приподнял воротник пиджака.

— Идите сюда! — рассердилась девушка. Она схватила его за руку и втащила под плащ(...).

Стремухов сидел, радостно оцепенев.

Ночная бессонная езда, попутная машина с кирпичами и эта гроза до сих пор были для него лишь неизбежными препятствиями на пути к лекторской трибуне. Отправляясь в дорогу, он обычно впадал в состояние безропотной отрешенности, будто напяливал на себя непроницаемое облачение. Но внезапный вихрь, сорвавший с него шляпу и заставивший неловко скакать на виду у этой девчонки, заодно сдул с него и это состояние отрешенности.

От недавней погони за шляпой, после чего все еще гулко колотилось сердце, и от хлынувшего ливня, и еще оттого, что он пожертвовал своим плащом и был готов промокнуть до нитки, к нему пришло радостно-счастливое возбуждение. Может быть, оно скоро и прошло бы, но как раз в эту минуту девушка бесцеремонно потащила его под навес плаща и усадила его рядом с собой на чемодане. Стремухов стыдливо оцепенел, как если бы его раздели донага. Он не мог бы сказать, сколько просидел вот так, в немом оцепенении, но когда наконец очнулся, то тихо и где-то глубоко внутри себя изумился, будто проснулся и протер глаза» [9, с. 197].

Герой в конце рассказа стал охотно разговаривать за ужином и рюмкой настойки, а потом пошел спать в сарай и долго лежал «в черной пустоте», «возбужденным и настороженным, в ожидании чего-то...» [9, с. 202].

Философский смысл повествования раскрывается, по-видимому, в лирических рефлексиях нарратора, приобретающих рефлексивно-императивный характер. Нарратор занимает позицию некоего медиатора между космосом и земной жизнью, он выражает желание того, чтобы «(...) всегда была прекрасной наша земля, чтобы было

хорошо на ней людям, чтобы не растерять в холодных космических проблемах живую тайну движений человеческой души, свою земную поэзию, красоту» [13, с. 213–214].

Деревенские будни ярко представлены в рассказе Е. Носова «Во субботу день ненастный...». Главный его герой, который одновременно является и рассказчиком, ожидает на районном аэродроме самолет, который опаздывает. Утомившись бездействием, он решает поискать какое-то пристанище, так как он промок: день был пасмурный, дождливый и холодный. Герой попадает в чужой огород, а затем во двор, где встречается женщину, которая рубит топором дрова. Эту сцену мы видим глазами повествователя, который стоит в стороне и наблюдает за «бабой».

Сначала он описывает ее голову, обмотанную платком — лица пока не видно. Нарратор ловко вплетает этнографические детали в повествование, так что мы, почти не замечая этого, сразу начинаем знакомиться с местным бытом: «Голова ее была небрежно обмотана хлопчатым мелкоклечатым платком, забранным внутрь воротника все того же стеганого ватника, так удачно кем-то придуманного, что и поныне его предпочитают в нашей несуровой местности всем прочим одежкам, — и в лес по дрова, и в город за хлебом, и так просто дома расхож да ловок, а если нов еще, то и в праздники. Носят его от млада до старого, иные так и всю жизнь, только роста меняют, как раки меняют скорлупу. У меня и у самого такой: добрая штуkenция, а если сверху полушубок набросить или, на худой конец, пододеть козловую безрукавку, то и вовсе стой себе у проруби, таскай окуней» [10, с. 147].

Повествователь–рассказчик детально изображает труд женщины, которая все еще не обращает на него внимания. «Кажется, на миг попала в *объектив* вся нехитрая эта работа, но мы видим, что лозины плоско слежавшиеся, что, прилаживая их *на плахе подобно тому, как придерживают куренка перед тем, как отрубить ему голову, сновисто отсекала полуметровые полешки, а потом секла и ветвистые концы*» [16, с. 29].

В дальнейшем главный герой оказывается в гостях у встреченной хозяйки. С этого момента мы можем как будто изнутри изучать будничную жизнь деревни. Уже у самого входа в избу мы замечаем все детали интерьера. Видим темные сени, насыпанные мешки в углу, ковромисло и волосяное сито на стенке и даже курицу, которая с дурным

криком прошмыгнула за порог. А когда мы вместе с героем входим в кухню, сразу ощущаем запах чужого жилья: какое-то варево, застарелый дым. Бросается в глаза маленькое оконце и подоконник, а на нем мутные, пустые бутылки и отводок алоэ в консервной банке [10, с. 148–149].

Рассказчик, присаживаясь на край скамьи перед столом, начинает рассматривать «свое убежище». Под столом стоит лукошко со свежим розоватым салом, засыпанным солью. На земле, — пола нет, — истыканной острыми поросьчими копытцами, лежит несколько кусков этого же сала. Картины беспорядка позволяют читателю постичь всю достоверность этой ситуации. Здесь нет ни тени сомнения; нет никакой лжи и притворства. Хозяйка не ожидала чьего-либо визита, что как будто распространяется и на рецепиента, не убрала, не натопила печку, не испекла вкусный пирог. Мы застали ее за работой.

Надо отметить, что женщина отнюдь не смущается возникшей ситуацией ни из-за гукнувшего поросенка, который свободно ходит по кухне, ни из-за валявшегося на земле сала: «Учюяв хозяйку, насто-роженно гукнул под полком поросенок. Он приладил свой пяточок к дверной щелке и, шевеля им и втягивая воздух, докучливо заверещал, заканючил.

— Узе-е! — она притопнула сапогом по доскам настила. — Поори мене, скаженный, Витьку разбудишь... Сейчас наварю» [10, с. 149].

Она продолжает топить печку и беседует со своим гостем: они ведут разговор про сарай, про свеклу, про хлеб, т.е. про обычные хозяйственные заботы деревенских жителей. Кроме того, женщина начинает рассказывать грустную историю своей жизни. Как отметила М. Ломунова, писатель снова поднимает «серьезный» вопрос, хотя, как сам заявил, ему «хотелось написать что-нибудь простое, бесхитростное, ни на малость не вмешиваясь в течение жизни» [6, с. 9]. Как мы уже ранее упомянули, Евгений Носов, изображая повседневность деревни, одновременно раскрывает глубину души своих героев, экзистенциально-психологическое состояние человека, живущего на земле.

Итак, повествователь продолжает разговаривать с хозяйкой, а в избу заходят новые гости. Это две женщины, мать и дочь, которые тоже ожидают самолета. Оказывается, что они местные. И снова идет разговор о «свинке», о гусе, но также и о молодых, которые не хотят жить в деревне и уезжают в города.

Мы обратим внимание на то, что, как кажется, несмотря на присутствие гостей, хозяйка все время чем-то занимается: то она что-то делает у печки, то зачем-то идет в сени. А когда в конце предлагает поставить самовар, гостям нужно уже быстро собираться и бежать, чтобы не опоздать на самолет.

Детализация предметов интерьера позволяет понять характер деревенского уклада быта и, что очень важно, наблюдать за жизнью, которая идет за стенами избы в один из будничных дней, каким была эта ненастная суббота.

Как легко можем заметить, рассказ «Во субботу день ненастный...» насыщен многими деталями, отражающими особенности повседневной жизни в деревне. В этом произведении, как мы упомянули выше, раскрываются также другие, «серьезные», вопросы, в частности поднимается проблема массовой эмиграции молодежи из колхозной деревни. Такое сочетание важной темы с тем, что весьма обыденно, очень характерно для поэтики рассказов Носова. Многие его рассказы и повести содержат описания избы, одежды, приготовления пищи, топки печки, стирки белья и прочих домашних дел. Чаще всего они являются только элементами бытописания в произведениях, но весьма важными в художественном плане.

Итак, обобщая некоторые наблюдения над поэтикой детализации в рассказах, отметим ту особенность писательской манеры, благодаря которой он создавал атмосферу быта деревенских жителей как бы изнутри, умел передать ту позицию (точку зрения), в призме которой был «увиден» и отражен быт этих людей. Все это позволяет думать об особой интенсивности детализации мироощущения героев Е. Носова, в связи с чем проявляется лирическое начало повествования.

Обычное (домашнее) бытовое поведение персонажей рассказов отражает стихийность бытия с его бесконечной включенностью мелочей в действия, неуловимые и ускользающие даже от внимательно наблюдателя.

Эти повседневные мелочи и представлены нарратором как продукт коллективного бессознательного, не случайно они не поддаются рефлексии субъекта наблюдения (или речи), а просто упоминаются, т. е. отмечается их присутствие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Басманов П. Памяти павших будьте достойны!: Урок внеклассного чтения по рассказам Е. Носова в 9 классе / С. Тикеева, П. Басманов // Литература в школе. — 1982. — № 2. — С. 41–45.
2. Большакова А. Деревня как архетип: от Пушкина до Солженицына. — М. : Комитет Правительства Москвы, 1998; 1999. — 60 с.
3. Дедков И. Надежные берега: проза Евгения Носова / И. Дедков // Наш современник. — 1976. — № 7. — С. 161–171.
4. Колядич Т. Мемуарно-биографические произведения 70-х годов. Проблематика и жанр : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.02. — Москва : МГПУ, 1979. — 205 с.
5. Кондратович А. На прочных устоях. Проза Евгения Носова/А. Кондратович // Наш современник. — 1982. — № 1. — С. 170–180.
6. Ломунова М. Тишина и биение сердца / М. Ломунова // Литературная Россия. — 1981. — № 2. — С. 8–9.
7. Моргунова М. Отражение древнеславянского культа солнца в творчестве Е. И. Носова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01. — Москва : МПГУ, 2013. — 22 с.
8. Носов Е. И. Шуба / Е. И. Носов // Шумит луговая овсяница. Повести и рассказы. — М. : Советская Россия, 1977. — С. 84–98.
9. Носов Е. И. Есть ли жизнь на других планетах? / Е. И. Носов // Шумит луговая овсяница. Повести и рассказы — М. : Советская Россия, 1977. — С. 192–202.
10. Носов Е. И. Во субботу день ненастный.../ Е. И. Носов // Шумит луговая овсяница. Повести и рассказы. — М. : Советская Россия, 1977. — С. 142–165.
11. Порублева И. «Военная» проза Е. И. Носова: проблемы идиостиля : автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01. — Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2010. — 21 с.
12. Сизих О. В. Поэтика современного российского рассказа [Электронный ресурс] / О. В. Сизих // Вестник СВФУ. — 2012. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/poetika-sovremennogo-rossijskogo-rasskaza>
13. Селезнев Ю. «Со мною на земле...» / Ю. Селезнев // Октябрь. — 1975. — № 1. — С. 211–216.
14. Селезнев Ю. Песня о родине / Е. И. Носов // Шумит луговая овсяница. Повести и рассказы — М. : Советская Россия, 1977. — С. 477–493.
15. Сударикова Н. Проза Е. И. Носова о Великой Отечественной войне: проблематика и художественное своеобразие : автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01. — Орел : ОГУ, 2006. — 22 с.
16. Чалмаев В. Храм Афродиты. Творческий путь и мастерство Евгения Носова. — М. : Советская Россия, 1972. — 174 с.

ПОЕТИКА ПОБУТОВОЇ ДЕТАЛІ В ОПОВІДАННЯХ ЄВГЕНА НОСОВА

Мілена Кіпер, аспірантка

Жешувський університет

Стаття присвячена художнім прийомам деталізації побуту і способу життя мешканців села, характерним для трьох оповідань Євгена Носова. Поетика подробиці опредмечує простір, у якому живуть герої оповідань, створює ліричну атмосферу і слугує психологічним тлом.

Ключові слова: деталізація побуту, простір, психологізація, художній прийом, сільська проза.

THE POETIC OF THE HOUSEHOLD DETAIL IN THE TEMPTS OF EVGENIY NOSOV

Milena Kiper, doctoral student

University of Rzeszów, Poland

The article is devoted to the artistic methods of detailing the way of life of rural people in three stories by Yevgeniy Nosov. The poetics of small things determine the environment in which the heroes of stories live, create a lyrical atmosphere and serve as a psychological background.

The peculiarity of the writer's manner is noted, thanks to which he created the atmosphere of the life of the villagers as if from within, he was able to convey that position (point of view) in whose prism «the life of these people» was seen. All this allows us to think about the special intensity of detailing the way in which the heroes see the world, by E. Nosov, in connection with which, the lyrical beginning of the narrative is revealed.

The stories of E. Nosov are full of many details, reflecting the features of everyday life in the village. The works contain descriptions of houses, clothes, cooking, furnace stoves, washing clothes and other household chores. Most often they are only the elements of the life story, but they are very important in the artistic sense. Detailing the interior allows you to understand the nature of the rural way of life, and, what is very important, to observe the life that goes beyond the walls of the house in the collective farm village.

The usual (domestic) everyday behavior of the characters of the stories reflects the spontaneity of being with its endless involvement of trivialities in actions that are illusive and sublele even from an attentive observer.

These everyday trifles are connected by a narrator and presented as a product of the collective unconscious, it is not by chance, that they do not lend themselves to reflect on the subject of observation (or speech), but it is simply mentioned, its presence is noted.

The heroes themselves do not seem to be tired of the monotony of everyday work, on the contrary — ordinary everyday matters are in some way the essence of their existence. It should be noted that the writer, depicting the daily routine of the village, simultaneously reveals the depth of the soul of his heroes, the existential and psychological state of the person living on earth.

Key words: details of everyday life, space, artistic technique, rural prose.

REFERENCES

1. Basmanov, P., and Tickeeva. (1982), *Pamyati pavshikh bood'tye dostoyini!: Oorok vnyekklassnogo chtyeniya po rasskazam Ye. Nosova v 9 klassye* [In memory of the fallen, be dignified!: Lesson of extracurricular reading according to the stories of E. Nosov in the 9th grade], *Lityeratoora v shkolye*, no. 2, pp. 41–45 [in Russian].
2. Bolshakova, A. (1998; 1999), *Dyeryevnya kak arkhyp: ot Pooshkina do Solzhenitzina* [The village as an archetype: from Pushkin to Solzhenitsyn], Committee of the Government of Moscow, Moscow [in Russian].
3. Dedkov, I. (1976), *Nadyezniye berega: proza Yevguyeniya Nosova* [Shores of hope: the prose by Evgeny Nosov], *Nas sovremennik*, no. 7, pp. 161–171 [in Russian].
4. Kolyadich, T. (1979), *Myemooarno-bioguraficheskiye proizvyedyeniya 70-kh guodov. Problematika i zhanr: dis. na soisk. oochyen. styp. kand. filol. naook: spyetz. 10.01.02.* [Memoirs and biographies of the 70s. Problems and genre: thesis for a scientist comp. step. Cand. philol. Sciences: spec. 10.01.02.], Moscow State Pedagogical University, Moscow [in Russian].
5. Kondratovich, A. (1982), *Na prochnikh oostoyakh. Proza Yevguyeniya Nosova* [On the firm foundations. Prose by Evgeny Nosov], *Nas sovremennik*, no. 1, pp.170–180 [in Russian].
6. Lomunova, M. (1981), *Tishina i biyeniye syerdtsa* [A silence and a heartbeat], *Lityeratoornaya Rossiya*, no. 2, pp.8–9 [in Russian].
7. Morgunova, M. (2013), *Otrazheniye dryevnyeslavlyanskogo koolita solntza v tvorchesyevye Ye.I. Nosova: avtoryef. dis. na soisk. oochyen. styp. kand. filol. naook: spyetz. 10.01.01.* [Reflection of the ancient Slavonic cult of the sun in the works of E. Nosov: the author's abstract. thesis for a scientist comp. step. Cand. philol. Sciences: spec. 10.01.01.], Moscow State Pedagogical University, Moscow [in Russian].
8. Nosov, E. (1977), *Shuba* [The fur], *Shoomit looguovaya ovsyantza. Povyesti i rasskazi* [The meadow fescue rustles. Novels and stories], Soviet Russia, Moscow, pp.84–98 [in Russian].
9. Nosov, E. (1977), *Yest li zizn' na drooguikh planyetakh?* [Is there life on the other planets?], *Shoomit looguovaya ovsyantza. Povyesti i rasskazi* [The meadow fescue rustles Tales and Stories], Soviet Russia, Moscow, pp. 192–202.
10. Nosov, E. (1977), *Vo soobotoo dyen' nyenastniy...* [Saturday is a rainy day...], *Shoomit looguovaya ovsyantza. Povyesti i rasskazi* [The meadow fescue rustles. Tales and Stories], Soviet Russia, Moscow, pp. 142–165 [in Russian].
11. Porublev, I. (2010), *«Voyennaya» proza Ye.I. Nosova: problemye idiostilya: avtoryef. dis. na soisk. oochyen. styp. kand. filol. naook: spyetz. 10.01.01* [«Military» prose of E. Nosov: problems of idiosyle: author's abstract. thesis for a scientist comp. step. Cand. philol. Sciences: spec. 10.01.01.], Stavrop. state. University, Stavropol [in Russian].

12. Sisych, O. (2012), Poetika sovremennogo rossiyskogo rasskaza [Poetics of the modern Russian story], Vestnik SVFU. NEFU, no. 2, Access: <https://cyberleninka.ru/article/v/poetika-sovremennogo-rossiyskogo-rasskaza> [in Russian].
13. Seleznev, Yu. (1975), So mnoyo na zhemlye... [With me on the ground...], Oktyabr', no. 1, pp.211– 216 [in Russian].
14. Seleznev Yu. (1977), Pyesnya o rodinye [Song of the Motherland], Shoomit looguovaya ovsyanitza. Povyesti i rasskazi [The meadow fescue rustles. Tales and Stories], Soviet Russia, Moscow, pp.477– 493 [in Russian].
15. Sudarikova, N. (2003), Proza Ye.I. Nosova o Vyelikoy Otyechnyestvennoy voynye: problemyatika. i khudozhestvennoye svoeobraziye: avtoryef. dis. na soisk. oochyen. step. kand. filol. naook: spyetz. [Prose by E. Nosov about the Great Patriotic War: problems. and artistic originality: autoref. thesis for a scientist comp. step.. Cand. philol. Sciences: spec.] 10.01.01., OSU, Orel [in Russian].
16. Chalmaev, V. (1972), Khram Afroditi.Tvorcheskiy poot' i masterystvo Yevguyeniya Nosova [Temple of Aphrodite. The creative path and skill of Evgeny Nosov], Soviet Russia, Moscow [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 18 березня 2018 р.